

Валеев Х.А.

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТИНГА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация: *Сегодня в России в условиях политической и административной реформ роль этнического фактора направлена на укрепление региона и региональной государственной власти субъектов Федерации, что позволяет уравновесить централистские тенденции федерального Центра, реанимировать развитие федерализма в России.*

Ключевые слова: *Политология, политическая регионалистика, этнополитика, гражданская служба, федерализм, этнорегиональные особенности, рекрутинг, кланность, национальные особенности региона, титульный народ*

Review: *Today in Russia the role of ethnical factor within the conditions of political and administrative reform is aimed to strengthen the regions and governments of the constituent subjects of the Russian Federation, allowing to balance the centralist tendencies of the federal center and to revitalize the development of federalism in Russia.*

Keywords: *political science, political regional studies, ethnic policy, civil service, federalism, ethnic and regional specific features, recruiting, clans, national specific features of a region, title nation.*

Реалии современной структуры политической жизни регионов позволяют утверждать, что за период существования новой российской государственности сложились особые схемы рекрутинга государственной службы в этнотерриториальных субъектах Российской Федерации, характеризующихся региональными особенностями.

Среди наиболее характерных и устоявшихся, следует отметить клановость. Слово «клан», как пишет исследователь европейской истории Ю.М. Сапрыкин, на гэльском языке означал у кельтских народов, главным образом ирлан-

дцев, шотландцев и валлийцев, наименование рода (реже племени)¹.

Понятие «клан» в дальнейшем стало востребовано в целом социальными и политическими науками. У представителя фрейдистского направления В. Райха клан — это единица социальной структуры первобытного общества, по мере развития экономических отношений постепенно разрушается

¹ Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — нач. XVII в. в. — М., 1958 г., с.49–50.

семьей, на основе которой зарождаются классы¹.

Другая группа учёных, в частности Э. Гидденс, считал, что неверно придавать чрезвычайно большое значение этим тенденциям, предполагать, что нуклеарная семья повсеместно становится доминирующей формой. В большинстве обществ современного типа расширенная семья по-прежнему остаётся нормой, и сохраняется традиционная практика семейных отношений².

Третья группа исследователей, которые модернизировали понятие «клан», расширили его значение. Например, в словаре С. И. Ожегова под кланом понимается «замкнутая группировка людей, считающих себя избранными, лучшими в каком-нибудь отношении»³. Отечественный учёный Ж. Т. Тощенко, ссылаясь на определение из ожеговского словаря, допускает модификацию, превращение клана в касту, являющуюся «узкой общественной группой, которая отстаивает свои привилегии и интересы и доступ куда для посторонних затруднён и невозможен»⁴.

Согласно, расширенной трактовки клан — это довольно замкнутая группа людей, объединённая по какому-либо признаку и в соответствии с этим признаком, объединёнными усилиями достигающая своих целей, присущих всем или почти всем членам клана. «Клановость» может быть очень обширным понятием, а признак, по которому объединяется клан, может быть разнообразным — по лидеру (клан Лужкова, клан Зязикова), по принадлежности

к какой-то территории (клан питерцев), по семейному признаку (клан Исмаиловых, клан Бакиевых), по этническому признаку (клан Шаймиева) и т. д.

Однако, на наш взгляд, в расширенной трактовке теряется очень важная характеристика, которая отличает кланы как группы родственников и позволяет удерживать в политических процессах — реархаизированные традиции родоплеменных отношений трансформирующихся обществ. В этой связи следует различать два типа социально-политических групп: клановые и социально-корпоративные (социальные корпорации). Первые создаются семьёй лидера, родственниками (расширенная семья) и только потом дополняется неродственными членами, группами. У второй можно отметить наличие черт, подобных клановым (замкнутость и пр.), но кланами их назвать неверно, так как в центре неродственной корпорации находится не семья (или семья, но нуклеарная).

Сегодня клановость в политической жизни России продолжает сохранять большую актуальность на региональном уровне. Клановость корпорации и клановость можно наблюдать в тех регионах, где более всего сохранены патриархальные устои, сильны родоплеменные связи и отношения, — в национальных республиках, общественный и политический облик которых в значительной мере определяет этнокультурный фактор. Феномен клановости отмечается, например, в Калмыкии, Татарстане, Бурятии, Северо-Кавказском регионе и т. д.

Например, «в Калмыкии борьба за власть, — пишет Н. Н. Крадин, — ведётся между тремя главными племенными группировками: торбутской и дербентской (истоки, противостояния которых уходят в двоично-троичную крыльевую систему), а так же бузавской, этнически более

¹ Райх В. Сексуальная революция. — СПб. М., 1997., с.56–59.

² Гидденс Э. Социология. — М., 1999. С.370.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1991. С.276.

⁴ Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как газвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. с.131.

молодой, состоящей из потомков донских калмыков»¹.

Клановость стала для региональной элиты надёжной схемой отношений с федеральным Центром для выживания в условиях разрушенной советской государственной системы. Уже в начале 90-х исследователь М. Х. Фарукшин писал, что в Республике Татарстан — в национальном регионе, лидере парада суверенитетов начала 1990-х годов, «правлящим верхам удалось на ближайшую перспективу, по существу, закрепить господство номенклатуры и создать мощнейшую преграду на пути демократии»².

Таким образом, можно предположить, что современная клановость ряда российских регионов является локальными вариантами постсоветской российской, иерархической патрон-клиентельной системы, жёсткий характер которой определяется сильными традициями власти, господства, родовых отношений в трансформирующихся обществах. Таким образом, речь идёт о том, чтобы не просто рассматривать клановость как экзотические особенности регионов, списывать их политические проблемы только на какую — то этническую специфику, а в том, чтобы видеть за этим системное единство.

При характеристике Северо-Кавказского региона под клановостью мы, в первую очередь, должны понимать отнесенность к определенным кровнородственным группам.

Полномочный Представитель Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопонин уверен, что сможет искоренить распределение государственных должностей по клановому и национальному признакам. Он добавил, что первым шагом станет наведение порядка

в федеральных органах власти. «Сегодня даны мне полные полномочия, чтобы навести порядок на уровне федеральных органов власти, федеральных структур, и здесь мы переходим на жесткий принцип, который называется «квалификационные требования», — отметил Хлопонин. Кроме того, добавил он, необходимо по каждой должности сформировать кадровый резерв. «Очень важный вопрос — это переаттестация и переквалификация, то есть человек, даже получив и заняв должность определенную, он с определенной периодичностью должен в обязательном порядке пройти переаттестацию либо в Москве, либо на уровне округа, где мы создадим центр переподготовки и переквалификации кадров госслужбы», — отметил полпред³.

На наш взгляд, проблема заключается, прежде всего, в том, что в силу ряда исторических причин в горских обществах не существовало серьезных устоев государственности (государств на этих территориях либо никогда не было, либо они существовали очень давно). Во время сильного государственного правления горское население Северного Кавказа принимает условия игры государства, но когда это государство ослабевает и начинает демонстрировать слабость, оно мигмом возвращается к собственным архаичным формам общественной самоорганизации, характеризующимся доминированием кланов и этнических групп.

Безусловно, клановость — это уклад, который складывается веками. Применение насильственных методов недопустимо, поскольку может привести к военному конфликту в регионе. Главная цель — добиться того, чтобы представители кавказского народа выдвигали на руководящие посты людей не по признаку родства, а по профессионализму, обеспечивая

¹ Крадин Н. Н. Указ. Соч. с.47-48.

² Фарукшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // По-лис. 1994. №6. С.78.

³ Сайт член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации М. Г. Кавджарадзе / <http://kavdjaradze.ru/news/main/1935/>

конкуренцию профессионалов, с одной стороны — не допуская давления со стороны кланов, с другой — не ломая сложившиеся традиционные принципы, которые там сложились.

Ситуация усугубляется проблемой коррупции и террористической активности на Северном Кавказе. Казалось бы, что с окончанием широкомасштабных боевых действий в Чеченской Республике на Северном Кавказе наступит долгожданный мир и восстановится общественный порядок. Чеченские сепаратисты, опиравшиеся на экстремистские, исламистские группировки в регионе и за рубежом, потерпели политическое и военное поражение. Их крупные бандформирования оказались разгромлены, часть боевиков добровольно вышла из подполья и была амнистирована, иностранные наемники и их эмиссары уничтожены или вынуждены были покинуть Чечню. Однако окончательной стабилизации ситуации в регионе пока не произошло. Продолжились вооруженные вылазки уцелевших разрозненных отрядов боевиков и теракты против представителей федеральных и региональных органов власти, при этом страдают и мирные жители.

Коренные причины сохранения напряженности в регионе кроются в том, что федеральный центр до сих пор не смог создать эффективной нормативно-правовой базы и благоприятных условий для развития инфраструктуры и социально-экономической сферы непосредственно самими республиками Северного Кавказа. Как отмечает С. М. Иванов: «Представляется, что изменение федеральной законодательной базы в сфере налогообложения в пользу регионов (сегодня только 40% поступлений от налогов остается в регионе) может дать толчок экономическому развитию Северного Кавказа и решению накопившихся здесь социально-экономических проблем. Оправданным было бы и создание на Северном Кавказе на ближайшие 20–30 лет свободной

экономической зоны. Это позволило бы местным властям в короткие сроки развить рентабельные отрасли экономики, сельского хозяйства, привлечь российские и иностранные инвестиции и кредиты, решить наболевшие социальные проблемы (разминировать оставшиеся от военных действий обширные минные поля, снизить уровень безработицы, возродить традиционные для региона промыслы и предприятия, туристический бизнес, транзитные маршруты, построить новые ВУЗы, средние специальные учебные заведения, школы, больницы, кинотеатры, клубы, церкви, мечети, современное жилье, дороги, мосты и т. п.). Таким образом, будет окончательно выбита почва из-под ног бандитов, их главари лишатся возможности вербовать безработную молодежь в свои ряды. Перераспределение денежных потоков в пользу регионов нанесет также удар по сложившейся в России на всех уровнях системе коррупции в области сбора налогов и дальнейшего распределения бюджетных средств»¹.

В пользу такого подхода к решению проблем северокавказских республик можно привести цитату из докладной записки царю Николаю II в 1907 году наместника Российской Империи на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям, по племенному составу и по политическому прошлому. Централизация допустима только тогда, когда она в силах внимательно следить за всеми проявлениями жизни населения

¹ Иванов С.М. Проблема террористической активности на Северном Кавказе и пути нормализации ситуации в регионе / Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН / <http://www.central-eurasia.com/north-caucasus/?uid=340>

на определенной территории и регулировать их в известном направлении; иначе она опасна, т.к. ведет к разобщению частей государства»¹.

Особое внимание следует уделить коррупции и низкой профессиональной подготовки государственных служащих в регионах Российской Федерации. Уровень коррупции в системе государственной службы возрос в последние годы настолько, что данная проблема приобрела массовый политический характер и стала весьма серьезной угрозой национальной безопасности. Неслучайно Президент РФ Д. А. Медведев при вступлении в должность поставил вопрос борьбы с коррупцией на приоритетное место в своей деятельности: «... для свободного демократического, и справедливого общества, враг номер один — это коррупция», — отметил Президент².

Сегодня в системе гражданской, военной и правоохранительной службы коррупция создает реальную угрозу безопасности российского государства. Коррупция является своего рода индикатором состояния безопасности общества³. На различных уровнях системы государственной службы коррупция формирует почву для развития клановости, для совершения террористических актов, развития экстремизма, способствует легализации доходов, полученных противоправным путем. Все эти и другие проблемы самым непосредственным образом угрожают безопасности личности, общества и государства.

Исследования показывают, что причины коррупции в системе государственной службы в субъектах Российской Федерации весьма разнообразны. Согласно исследованию, которое проведено Институтом социологии

Российской академии наук, причины коррупции, по мнению населения Российской Федерации, заключаются: в жадности и аморальности чиновников и бизнесменов — так ответило 70,1% опрошенных респондентов; в неэффективности деятельности правовой базы государства — это мнение 63,3% опрошенных граждан; в низком уровне правовой культуры, правовом нигилизме — мнение 37,2% опрошенных граждан; в клановости и семейственности в системе государственной службы — уверены 33,9% респондентов. Кроме того, к числу причин коррупции относится правовая неграмотность государственных служащих — это мнение 13,7% респондентов; 4,2% респондентов затруднились ответить о причинах коррупции и лишь 1,1% назвали иные причины коррупции. Интересно отметить, что явным злом однозначно коррупцию считают лишь 2,5% опрошенных граждан⁴.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить следующие причины массового развития коррупции в системе государственной службы: в непоследовательности административных преобразований в реформировании государственной службы; в неэффективности использования кадров в системе государственной службы; в низком профессиональном уровне многих государственных служащих; в отсутствии четких границ персональной ответственности государственных служащих; в неэффективности использования административных процедур, обусловленных режимом прохождения государственной службы.

Кроме того, коррупцию в системе государственной службы провоцируют отсутствие должных механизмов карьерного роста государственного служащего; низкий

¹ Стратегия России / № 7 (67), М. 2009, стр. 90-91

² Российская газета / от 6 ноября 2008 г.

³ См.: Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. - 2007. - № 2. - С. 45.

⁴ См.: Подкупающая откровенность: социологи выяснили, что думают российские граждане о причинах коррупции и способах борьбы с ней // Российская газета. - 2008. - 6 июня.

уровень оплаты труда большинства государственных служащих; отсутствие конкурсов и альтернативы при назначении на ответственные должности государственной службы, наиболее уязвимые коррупцией; отсутствие эффективных механизмов юридической ответственности в административно-правовой сфере деятельности государственного служащего; дублирование функций различных органов государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне; отсутствие разграничений компетенции, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации в механизме реализации административно-правовых средств противодействия коррупции в структуре государственной службы; минимум системности в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы; политическая целесообразность и конъюнктура в деле противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации.

Названные причины в наибольшей степени способствуют росту и развитию коррупции в системе государственной службы Российской Федерации, а, установив причины коррупции, можно выстроить механизм воздействия на нее и минимизировать это ужасающее явление до уровня, который не будет представлять большой общественной опасности.

К числу административно-правовых средств противодействия коррупции можно отнести: административные запреты, связанные с режимом государственной службы; средства урегулирования «конфликта интересов» на государственной службе; четкий должностной регламент государственного служащего; конкурсное замещение должности государственной службы; установление и обязательное использование кадрового резерва в системе государственной службы; обязательное установление

альтернативы при выборе кандидатов при назначении на должность; испытание при поступлении на государственную службу; механизм согласования с подразделениями собственной безопасности кандидатур при назначении на ответственные должности государственной правоохранительной службы; определение статуса должности государственной службы, которая связана с коррупционными угрозами; социальные гарантии, связанные с режимом и статусом государственного служащего; аттестацию государственных служащих; поощрения и награждения государственных служащих; определение примерных этапов карьерного роста государственного служащего; отстранение от занимаемой должности государственной службы в случаях возникновения «конфликта интересов»; квалификационный экзамен; режим служебной дисциплины на государственной службе; административный контроль за служебной деятельностью государственных служащих; налоговый контроль за имущественным положением государственного служащего и членов его семьи; дисциплинарную и административную ответственность государственных служащих; механизм предоставления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственного служащего; оплату труда государственных служащих; ротацию кадров в системе государственной службы и др.

Еще одно средство, на которое следует обратить особое внимание — ротация кадров. Процедура ротации в системе государственной службы является одним из самых эффективных средств противодействия коррупции. Федеральный закон РФ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяет, что ротация является одним из принципов, на основе которых осуществляется формирование кадрового состава

гражданской службы (п. 1 ст. 60)¹. В научной литературе также указывается на необходимость совершенствования процедуры ротации кадров. В частности, А. Ф. Ноздрачев предлагает создать более гибкую систему ротации кадров, что в особенности касается тех государственных служащих, которые постоянно контактируют с гражданами и коммерческими структурами².

При подборе государственных служащих достаточно важную роль играет происхождение кандидата на государственную должность, принадлежность к «титульным» этносам, в особенности при назначении на высшие государственные должности субъекта Российской Федерации, либо принадлежность к этногруппам и группам влияния, не относящимся к противоборствующим элементам субъекта Российской Федерации. Так, при наличии нескольких противоборствующих клановых групп на территории субъекта Российской Федерации либо двух или нескольких борющихся друг с другом за сферы влияния этносов, складывается практика назначения на государственную должность лица, не имеющего отношения к последним, своеобразный призыв «варяга».

В Якутии титульное население составляет 39%, а в парламенте (Ил Тумэн) его доля достигает 73%; в Татарстане это соотношение равно 51% к 75%, соответственно³. Подобная двойственная ситуация с политическим представительством создает проблемное поле. В республиках в составе РФ она воспринимается русскими как дискриминация, тогда как

представители других этнических общностей переносят такую оценку на федеральный уровень. Естественно, избрание в законодательные органы власти (равно как назначения в исполнительные структуры) должно происходить по критериям способностей претендентов. Но, исходя из приведенного выше этнического состава властных органов республик, трудно поверить, что упомянутые критерии неукоснительно соблюдаются.

Даже в сформировавшихся демократических государствах, где универсальные права человека (в том числе права меньшинств) — недискутируемый приоритет, существуют и ксенофобия, и неформальная дискриминация. Тем более эти явления сохраняются в российском переходном обществе. Внимание правозащитных организаций по традиции сосредоточено на институциональной, то есть в той или иной форме санкционированной, дискриминации, но ее неформальный (бытовой) аналог не менее страшен. Например, хорошо известно, что из республик, особенно северокавказских, идет отток русских. Это реальный показатель состояния социального самочувствия людей. Причина — не только в социально-экономических условиях (русским легче найти работу в центральных районах и быть принятыми окружающим населением), но и в психологическом дискомфорте, а подчас и дискриминации, которая чаще всего связана с назначениями на должности⁴.

В республиках язык «титульного» народа, право на родной язык воспринимается не как право говорить на своем языке (это доступно для самых малочисленных этнических групп), а как право быть понятыми, особенно в деловой, официальной, государственной сферах

¹ Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 31.

² Ноздрачев А.Ф. Правовые меры противодействия коррупции // Журнал российского права. - 2004. - № 9. - С. 165

³ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995-1997. Электоральная статистика. М., 1998. с. 129.

⁴ Гучинова Э.Б. Республика Калмыкия. Модель этнополитического мониторинга. М., 1997. с. 28; Анайбан З. Республика Тыва. Модель этнополитического мониторинга. М., 1996. с. 32

деятельности. С возможностью полифункционального использования родного языка связана социальная карьера, то есть не только происхождение, прошлое, но будущее личности, а также очень важная для человека психологическая комфортность ощущения равенства, достоинства при поступлении на государственную службу.

В некоторых республиканских конституциях четко зафиксирован и принцип культурного плюрализма. Например, в Татарстане всем гражданам гарантировано пользование родным языком (ст. 20) и обучение на нем в школе (ст. 48). И это — не просто декларация: на русском в республике учились более 90% русских детей. Были созданы чувашские и удмуртские школы. Об уровне преподавания в них свидетельствует тот факт, что учителя из Удмуртии приезжали в соседнюю республику изучать опыт коллег. В свою очередь в Якутии закреплено право русских и других старожилов на сохранение и развитие своей культуры, а также особо оговорены права малочисленных аборигенных народов «на владение и пользование родовыми сельскохозяйственными охотничье-рыболовецкими угодьями... на защиту от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида... посягательства на этническую самобытность»¹.

Демократические преобразования сами по себе не обеспечивают автоматически стабильного развития и процветания всех этнических культур. Политико-экономические и социальные процессы, происходившие в субъектах Федерации в истекшем двадцатилетии, наоборот, показали, что свободы не везде и не во всем использовались продуктивно. К старым неравенствам этнических групп,

определявшимся соотношением городского и сельского населения, добавились новые, связанные со степенью адаптации к рыночной экономике, которая восходит к политическим, социально-культурным и психологическим ресурсам этноса.

Серьезный демократический потенциал сосредотачивается в представительных (законодательных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации по решению вопросов государственной службы в условиях федерализма в многонациональном государстве. Законодательные органы государственной власти субъектов Федерации обеспечивают достижение баланса интересов и межнационального согласия в регионе, оптимизируют и упрощают управление и государственную службу.

Низкий уровень публичности, формальность, чрезмерная бюрократизированность обусловили общий стагнационный характер системы государственной службы в России. Отсутствие выборности приводит к безответственности глав субъектов Федерации перед российскими гражданами, проживающими в регионе, нарушением демократической цепи в системе властных отношений служит показателем конъюнктурности и ситуативности подходов федеральной верхушки к вопросам демократии. Проблема подкрепляется неэффективной и во многом формальной выборностью региональных legislatures, всесилим принципа партийности, предрешенности кадровых изменений еще до проведения выборов.

Таким образом, фактическое крушение региональной избирательной системы, её во многом имитационный характер привело к тому, что рекрутинг на государственную службу стал внутренним делом высшего эшелона правящей политической элиты. Рекрутирование на госслужбе превратилось в самопроизводство правящего класса, практически утратив связи с гражданским представительством,

¹ Дробижева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может и чего не может дать демократизация) / Общественные науки и современность, 2005, №2, с. 16-28

обеспечив тесный союз политического сегмента государственной службы с высшими фигурами госадминистрации, предопределивший создание устойчивого базиса для образования правящего альянса.

Сложившуюся ситуацию подкрепляют следующие социально-политические аспекты:

- теневи́зация (отражающая ориентацию государственных служащих на серые схемы отправления своих полномочий, с использованием неправовых методов реализации профессиональной деятельности);
- корпоративизация (выражающая устойчивую преимущественную ориентацию государственных служащих на реализацию интересов той или иной группы (клана) и выполнение их государственных «заказов»);
- персонализация (использование официальных статусов и возможностей для исключительной реализации индивидуальных интересов, продвижения во власть родственников и ближнего окружения (самопроизводство, разрастание семьи)).

Особое внимание следует уделить *становлению региональной системы организации институтов государственной власти постсоветской России, которая включает в себя различные институты федеральной интервенции, предполагающие соответствующие правовые механизмы вмешательства федерального центра в режим функционирования выборной региональной власти, связанные с ответственностью органов государственной власти субъектов Федерации*. Реальное развитие институтов федерального вмешательства и политико-правовых механизмов централизованного контроля является, прежде всего, показателем усиления президентской вертикали власти, ее эффективности и действенности. Это институты вмешательства президента в нормотворчество органов региональной исполнительной власти и согласительных

процедур, используемых при разрешении конфликтов между центром и регионами, а также между отдельными регионами. К институтам федерального вмешательства в региональную политику следует отнести санкции федеральной власти: *назначение и отстранение от должностей глав субъектов Федерации, временное изъятие полномочий у региональной власти и их передача федеральным структурам*. В отдельную группу входят институты президентского влияния на осуществляемую субъектами Федерации региональную правовую политику: *полномочные представители президента в федеральных округах и главные федеральные инспектора*.

Рассмотрим подробнее современную региональную систему организации институтов государственной власти постсоветской России, на примере Республики Башкортостан.

Главой Республики Башкортостан является Президент, наделяемый полномочиями высшего должностного лица Государственным Собранием (парламентом) республики по представлению Президента Российской Федерации. С 19 июля 2010 года Президентом республики является Рустэм Хамитов. Он был наделён полномочиями Президента депутатами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан. Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан — законодательный орган (парламент) Башкортостана, состоящий из 120 депутатов. Избирается на всеобщем голосовании. Главой Государственного Собрания — Курултая является Председатель Государственного Собрания. Высшим органом исполнительной власти является Правительство Республики Башкортостан. Главой правительства является Председатель Правительства Республики Башкортостан, назначаемый Президентом республики с одобрения Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан. В настоящее время

Президент Республики Башкортостан замыкает на себе должность Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан.

Республика Башкортостан — национальная республика и этнический фактор (этничность) продолжает играть существенную роль в политической жизни региона. Более того, этничность выступает спецификой национальных республик (региональным ресурсом) в составе Российской Федерации. С одной стороны, *этничность является объективной, исторически сложившейся, реальностью*, и те привилегии, которые регион получает от центра, реализуя ресурс этничности, нужны для того, чтобы поддерживать и развивать этническое своеобразие. С другой — фактор этничности выступает в роли прикрытия для достижения экономических, политических интересов субъекта Федерации.

Особенности функционирования региональных институтов законодательной власти определяются необходимостью установления соотношения законотворчества в субъектах Федерации с общими тенденциями регионального правового регулирования, что требует, в свою очередь, выяснения специфики законодательного процесса и региональной право-

вой политики, а также важностью получения прогнозных оценок развития законодательства регионов и подготовки модельных региональных законов как типовых актов, содержащих рекомендации нормативного характера, а также варианты возможных правовых решений тех или иных вопросов.

Региональные институты исполнительной власти легитимируются в конкретном жизненном пространстве посредством адекватной организационно-управленческой деятельности. Реакция населения региона на действия этих институтов и структур выступает значимым показателем эффективности исполнительной власти субъектов Федерации, а также индикатором социальной напряженности и конфликтогенности в данном регионе. Для разрешения возникающей социально-политической напряженности в контексте использования перспективных политико-правовых технологий оптимизации региональной системы институтов исполнительной власти целесообразным является публичное обсуждение, формирование и принятие в каждом субъекте Федерации концепции регионального социально-экономического, политико-правового и этнонационального развития.

Библиография

1. Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995–1997. Электоральная статистика. М., 1998.
2. Гидденс Э. Социология.— М., 1999.
3. Гучинова Э. Б. Республика Калмыкия. Модель этнополитического мониторинга. М., 1997.
4. Анайбан З. Республика Тыва. Модель этнополитического мониторинга. М., 1996.
5. Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может и чего не может дать демократизация) / Общественные науки и современность, 2005, № 2.
6. Иванов С. М. Проблема террористической активности на Северном Кавказе и пути нормализации ситуации в регионе / Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН / <http://www.central-eurasia.com/north-caucasus/?uid=340>
7. Ноздрачев А. Ф. Правовые меры противодействия коррупции // Журнал российского права.— 2004.— № 9.

8. Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1991.
9. Райх В. Сексуальная революция.— СПб. М., 1997.
10. Российская газета / от 6 ноября 2008 г.
11. Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — нач. XVII в.в.— М., 1958 г.
12. Стратегия России / № 7 (67), М. 2009.
13. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как газвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11.
14. Фарукшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6.
15. Хабибулин А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права.— 2007.— № 2.
5. Drobizheva L. M. Zavoevaniya demokrati i etnonatsional'nye problemy Rossii (Chto mozhet i chego ne mozhet dat' demokratizatsiya) / Obshchestvennyenauki i sovremennost', 2005, № 2.
6. Ivanov S. M. Problema terroristicheskoi aktivnosti na Severnom Kavkaze i puti normalizatsii situatsii v regione / Tsentri izucheniya Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya INSTITUTA VOSTOKOVEDENIYa RAN / <http://www.central-eurasia.com/north-caucasus/?uid=340>
7. Nozdrachev A. F. Pravovye mery protivodeistviya korruptsii // Zhurnal rossiiskogo prava.— 2004.— № 9.
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka.— М., 1991.
9. Raikh V. Seksual'naya revolyutsiya.— SPb. М., 1997.
10. Rossiiskaya gazeta / ot 6 noyabrya 2008 g.
11. Saprykin Yu. M. Angliiskaya kolonizatsiya Irlandii v KhVI — nach. KhVII v.v.— М., 1958 g.
12. Strategiya Rossii / № 7 (67), М. 2009.
13. Toshchenko Zh. T. Elita? Klany? Kasty? Kliki? Kak gazvat' tekhn, kto pravit nami? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 11.
14. Farukshin M. Kh. Politicheskaya elita v Tatarstane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii // Polis. 1994. № 6.
15. Khabibulin A. G. Korruptsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti: metodologiya, problemy i puti ikh resheniya // Zhurnal rossiiskogo prava.— 2007.— № 2.

References (transliterated)

1. Vybory v zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii 1995–1997. Elektoral'naya statistika. М., 1998.
2. Giddens E. Sotsiologiya.— М., 1999.
3. Guchinova E. B. Respublika Kalmykiya. Model' etnopoliticheskogo monitoringa. М., 1997.
4. Anaiban 3. Respublika Tyva. Model' etnopoliticheskogo monitoringa. М., 1996.
5. Drobizheva L. M. Zavoevaniya demokrati i etnonatsional'nye problemy Rossii (Chto mozhet i chego ne mozhet dat' demokratizatsiya) / Obshchestvennyenauki i sovremennost', 2005, № 2.
6. Ivanov S. M. Problema terroristicheskoi aktivnosti na Severnom Kavkaze i puti normalizatsii situatsii v regione / Tsentri izucheniya Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya INSTITUTA VOSTOKOVEDENIYa RAN / <http://www.central-eurasia.com/north-caucasus/?uid=340>
7. Nozdrachev A. F. Pravovye mery protivodeistviya korruptsii // Zhurnal rossiiskogo prava.— 2004.— № 9.
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka.— М., 1991.
9. Raikh V. Seksual'naya revolyutsiya.— SPb. М., 1997.
10. Rossiiskaya gazeta / ot 6 noyabrya 2008 g.
11. Saprykin Yu. M. Angliiskaya kolonizatsiya Irlandii v KhVI — nach. KhVII v.v.— М., 1958 g.
12. Strategiya Rossii / № 7 (67), М. 2009.
13. Toshchenko Zh. T. Elita? Klany? Kasty? Kliki? Kak gazvat' tekhn, kto pravit nami? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 11.
14. Farukshin M. Kh. Politicheskaya elita v Tatarstane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii // Polis. 1994. № 6.
15. Khabibulin A. G. Korruptsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti: metodologiya, problemy i puti ikh resheniya // Zhurnal rossiiskogo prava.— 2007.— № 2.